

Касимов Евгений Витальевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ В ХОДЕ ПЕРВОЙ КАМПАНИИ
ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ (1920 Г.)**

Аннотация: статья посвящена проведению первой на территории Чувашии кампании по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, развернувшейся весной 1920 г. В работе прослежено неоднозначное отношение крестьянства к данной кампании, выявлены причины слабого посещения взрослого населения учебных занятий, дана оценка эффективности мероприятий советской власти по распространению грамотности. Делается вывод, что политика ликвидации безграмотности проводилась принудительно и вызвала отторжение у местного населения.

Ключевые слова: ликвидация безграмотности, Чувашия, советская власть, школьные работники.

Политика ликвидации неграмотности населения занимает видное место в истории Советской России. Ее идеологическая основа как составной части и необходимого условия культурной революции была разработана В.И. Лениным, в частности говорившим: «Пока у нас есть в стране такое явление как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [10, с. 174]. О значении, придававшемся властью политике ликвидации безграмотности, свидетельствует тот факт, что работникам просвещения и культуры, проводившим в 1920 г. советскую политику на местах, прямо говорилось, что «истинной целью ликвидации безграмотности является

распространение и закрепление идей коммунизма и вовлечения широких масс в общественную жизнь» [6, с. 6].

Столь важный аспект деятельности Коммунистической партии не мог остаться вне сферы внимания и советских, и современных исследователей. Однако в региональной историографии отправной точкой изысканий бралось образование Чувашской автономной области летом 1920 г. и постановление Чувашского облисполкома от 20 ноября 1920 г. о ликвидации неграмотности и об организации чрезвычайной комиссии при областном отделе народного образования. Таким образом, первая кампания по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, развернувшаяся весной 1920 г., осталась «белым пятном» в исследованиях по данной теме. Настоящая статья призвана в определенной степени ликвидировать этот пробел и расширить наши представления о взаимоотношениях власти и населения в период социальных бурь и потрясений.

26 декабря 1919 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О ликвидации безграмотности в РСФСР». На законодательном уровне провозглашалось, что «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию» [11]. Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности.

На территории Чувашии реализация декрета началась уже со второй половины января 1920 г., хотя следует подчеркнуть, что в разных уездах мероприятия по ликвидации безграмотности протекали не одновременно. В основном в течение февраля был проведен учет количества грамотного и неграмотного населения, организованы курсы по подготовке ликвидаторов безграмотности, а в марте начались занятия, продолжавшиеся вплоть до первых чисел мая.

Реакция населения Чувашской автономной области на инициативу советского правительства была неоднозначной. В ряде селений крестьянство сочувственно отнеслось к ликвидации безграмотности и оказало посильную помощь в организации работы школ взрослых. Однако в целом большая часть

неграмотного населения отрицательно и с недоверием отнеслась к мероприятиям по ликвидации безграмотности, проводившимся в принудительном порядке. Во-первых, многие совершенно искренне опасались, что обучение взрослых проводится неспроста и их будут записывать в коммунисты или в коммуны (в то время в деревне слабо представляли разницу между коммунистами и коммунарами). Также ходили слухи, что у обучающихся будут отрезать пальцы, руки [3, л. 6; 5, л. 22; 7, л. 142; 8, л. 4]. Поэтому еще на стадии подготовительных работ десятки селений отказались предоставить сведения о количестве грамотных и неграмотных граждан. Например, Акулевская волостная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (Чебоксарский уезд), заслушав 17 марта 1920 г. на совместном с внешкольной секцией заседании доклады своих уполномоченных, вынуждена была принять следующее решение: «Так как во многих селениях не все граждане дают сведения, постановили: если отказавшихся будет меньше 10 – вызвать в волчрезвычайком главу семейства, а если больше 10 – президиум сельских Советов, которые вводят дезорганизацию по регистрации грамотных и неграмотных...» [3, л. 6 об.].

Во-вторых, население жаловалось на тяжесть выполняемых обязательных повинностей и несвоевременность обучения, на то, что посещение школы отрывает их от спешных домашних работ. Дело в том, что на март и апрель приходилась основная работа по изготовлению холста, а подавляющее большинство учащихся составляли женщины, поскольку мужчины были мобилизованы на фронт или на выполнение трудгужевой повинности.

Именно различным отношением населения к объявленной кампании по ликвидации безграмотности в значительной степени объясняется большой разрыв по времени начала занятий в разных селениях (хотя нередко задержка с открытием школ вызывалась также нехваткой школьных работников, трудностями с подысканием помещений под временные школы, отсутствием дров, учебников и письменных принадлежностей). К примеру, в д. Елюй Воскресенской волости Чебоксарского уезда занятия начались лишь 22 апреля 1920 г. Да и то к учебе здесь удалось привлечь всего 16 человек в возрасте от 14 до 20 лет, а обучение

более старших возрастов было перенесено на осень [2, л. 23]. В ряде случаев сопротивление населения местным властям так и не удалось преодолеть. Например, от жителей с. Урмаево Кошелевской волости Цивильского уезда ко времени окончания кампании не удалось добиться представления хотя бы списка неграмотных [7, л. 143]. В мусульманских населенных пунктах Новоковалинской волости Цивильского уезда к обучению первоначально планировалось привлечь все неграмотное население в возрасте от 13 до 38 лет, но из-за противодействия населения возрастные рамки пришлось изменить: в д. Акзегитово возраст привлеченных к обучению граждан составил 8–38 лет, в д. Бакарчи и д. Айдарово – 8–17 лет, в д. Кугушево и д. Сунчалеево – 8–25 лет; в д. Тугаево школа взрослых так и не начала работу [7, л. 144].

В конечном счете, в силу различных объективных и субъективных факторов, в образовательный процесс удалось вовлечь небольшую часть неграмотных, по сравнению с их общим количеством. Например, инструктор по ликвидации безграмотности в Карамышевской волости Чебоксарского уезда, подводя в мае 1920 г. итоги кампании, отметил следующее: «При проведении в жизнь нашего плана по ликв[идации] встретилось еще следующее явление. Ежедневно стали осаждать чрезв[ычайную] ком[иссию] с бесчисленными заявлениями с просьбой освободить их до осени. Доводы представлялись разнообразные, как например: невозможно оставить малолетних детей дома без призора, болезни, экстренные отлучки из дома по своим делам, гужевая повинность и т. д., и т. д. Очень большой процент просителей ходатайствовал об освобождении их от занятий по чрезвычайч[айной] слабости зрения и т. п. Вследствие таковых заявлений колич[ество] призванных, естественно, сократилось до минимума и пришлось выключить из списка призванных также и возраст выше 40 лет, т.к. главным работником в хозяйстве является этот возр[аст]». В итоге кампания по ликвидации безграмотности дала в волости следующие результаты: «До конца более или менее аккуратно посещавших школы в волости насчитывается 290 чел., уклоняющихся – 66 чел., освобожденных – 363, успешно кончило – 54 чел., неуспешно кончивш[их] – 236, на осень остается – 1119 чел.» [1, л. 10–11 об.].

Подчиняясь уговорам, а где-то угрозам, десятки тысяч крестьян все же были весной 1920 г. вовлечены в процесс обучения. Однако низкая посещаемость занятий стала одной из наиболее главных проблем проведения кампании по ликвидации безграмотности. Так, по докладам с мест по состоянию на 17 марта, в Ядринской волости Ядринского уезда школы посещали: в с. Чебаково – 18 человек из 201, в д. Верхние Мочары – 45 человек из 200, в д. Кудаши – 27 человек из 180, в д. Вурманкасы – 15 человек из 110 и т. д. [9, л. 8]

Естественно, нередко пропуски занятий вызывались уважительными причинами: неотложными работами по дому; различными болезнями и недомоганиями, тем более что в отдельных районах наблюдались эпидемии тифа; материальной необеспеченностью населения, принуждавшей к поиску средств для существования. Кроме того, одной из важнейших объективных причин низкой посещаемости следует назвать необходимость выполнения других обязательных повинностей, более важных с точки зрения военного времени, и в первую очередь – гужевой и трудовой. Например, в с. Полянки Ленинской волости Ядринского уезда из 176 неграмотных к середине марта посещали школу 57 человек, остальные были освобождены специальной комиссией, созданной из представителей волостной чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности и разных сельских учреждений [9, л. 8]. С середины апреля 1920 г., как отмечалось на съезде волостных инструкторов Цивильского уезда по ликвидации безграмотности, крестьяне стали категорически отказываться посещать школы, «ввиду огородных и полевых работ» [7, л. 141 об.].

Но очевидно и то, что среди важнейших причин низкой посещаемости, было целенаправленное уклонение учащихся от посещения занятий. О широком распространении данного явления в крестьянской среде свидетельствует множество фактов. К примеру, в д. Кукшумы Балдаевской волости Ядринского уезда из 448 неграмотных в первый день занятия посетили 30 человек, во второй – 15, а к 18 марта ни одного обучающегося не осталось. В д. Стрелецкая Слобода Ленинской волости того же уезда всего было учтено неграмотных 101 человек, а посещали занятия в середине марта только 9 человек. Сельсовет не раз созывал и

общие собрания граждан, и особые собрания неграмотных, разъяснял о мерах наказания, но безрезультатно [9, л. 8].

Помимо отмеченных выше причин, пропускать занятия «побуждал» учащихся и острый недостаток средств обучения. Как подчеркивали сами инструкторы по проведению ликвидации безграмотности, учащиеся «справедливо указывали на то, что их принуждают учиться, между тем как ни книг, ни перьев не дают, что от посещения школ мало толку и что это пустая трата дорогого времени» [5, л. 23 об.]. Из-за отсутствия письменных принадлежностей бывало, что учащиеся во время отдельных занятий так и не получали возможность попрактиковаться в письме. Точно так же, бесцельно сидели на занятиях, скучая, и ученики, не имевшие букварей [5, л. 23 об.]. Поскольку дома практиковаться в чтении и письме учащиеся не могли, то, как отмечали инструкторы по ликвидации безграмотности, «многие, особенно женщины, просиженное за день в школе к другому дню забывали» [2, л. 24]. Все это не способствовало поддержания интереса к обучению.

В итоге посещение неграмотными крестьянами школ взрослых пришлось обеспечивать принудительным путем. В основном к уклоняющимся от учебы применялись такие меры воздействия, как денежный штраф до 5000 руб., лишение права на получение фабрично-заводских и продовольственных товаров, назначение вне очереди на принудительные работы по устройству мостов, дорог и т. п. [3, л. 2 об.; 4, 15–15 об.] Но эти меры далеко не всегда оказывались эффективными, наталкивались на противодействие местных органов власти или часто уклоняющихся наказывали «на бумаге», а в жизнь санкции не проводились ввиду занятости членов волостных чрезвычайных комиссий по ликвидации безграмотности, которые единственные имели реальные административные права [1, л. 11; 2, 26 об.].

Оценивая весеннюю кампанию 1920 года по ликвидации безграмотности на территории Чувашского края, можно сказать, что она была проведена в спешке, наскоком, без продуманной предварительной подготовки и достаточного материального обеспечения. В итоге политика принудительной ликвидации

безграмотности вызвала отторжение у значительной части населения. Накопленный опыт не был в полной мере учтен при проведении осенней сессии ликвидации безграмотности, и поэтому не случайно в ходе крестьянского восстания, вспыхнувшего в Чувашской автономной области в январе 1921 г., школьные работники стали одним из главных объектов нападения, наряду с коммунистами, комсомольцами и работниками советских учреждений. В то же время нельзя не отметить, что в 1920 г. на территории Чувашии был сделан, несомненно, гигантский шаг на ниве народного просвещения, и десятки тысяч людей, несмотря ни на что, все же приобщились к грамоте. Этот путь оказался сложным и растянулся на несколько десятилетий напряженной работы.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 122.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 126.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 128.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 130.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 131.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 53.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 189.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 230.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 408.
10. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – Т. 44. – С. 155–175.
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1919. – №67. – Ст. 592.